Николай Добролюбов

«Лучи и тени». Сорок пять сонетов Д. фон Лизандера...

Николай Добролюбов

«Лучи и тени». Сорок пять сонетов Д. фон Лизандера…

«Public Domain»
1859

Добролюбов Н. А.

«Лучи и тени». Сорок пять сонетов Д. фон Лизандера… /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1859

ISBN 978-5-457-14082-0

Рецензия – одно из выступлений Добролюбова против поэзии, враждебной некрасовскому направлению. В этой связи критик и характеризует шаблонную лирику незначительного дворянского поэта Д. К. Лизандера (1824–1894), его религиозную риторику и расплывчатые обличения «порока». Политическая лирика В. В. Бажанова имела крайне «благонамеренный» характер. Не имея возможности охарактеризовать в рецензии политическую лирику Бажанова, Добролюбов обращает внимание на частое и характерное для подобного рода литературы противоречие эротических и религиозных мотивов. Религиозная «назидательность» Бажанова и либеральные претензии Лизандера «на звание общественного деятеля» компрометируются в рецензии сопоставлением с произведениями бездарного и безвестного графомана Александрова.

ISBN 978-5-457-14082-0

© Добролюбов Н. А., 1859
© Public Domain, 1859

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 9
Комментарии

Николай Александрович Добролюбов «Лучи и тени». Сорок пять сонетов Д. фон Лизандера… Стихотворения В. Бажанова… Стихотворения Александрова…

«ЛУЧИ И ТЕНИ». СОРОК ПЯТЬ СОНЕТОВ Д. ФОН ЛИЗАНДЕРА. Москва, 1859
СТИХОТВОРЕНИЯ В. БАЖАНОВА СПб., 1859
СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА Москва, 1859

Господин Д. фон Лизандер приобрел уже себе почетную известность в нашей литературе как участник знаменитого протеста против поступка «Иллюстрации». В 22-й книжке «Русского вестника» за прошлый год имя его красуется в числе протестантов, между именами Я. Савурского и Ф. Тимирязева, с одной стороны, и Д. Хитрова, Д. Хомякова, И. Хомякова и С. Хомякова – с другой.[1] Следовательно, нет никакой надобности говорить о возвышенности и благородстве чувствований, которыми должны быть проникнуты сорок пять сонетов г. фон Лизандера. Правда, высокие качества своего нравственного характера г. фон Лизандер заявил еще во время Восточной войны, когда написал весьма грозное патриотическое стихотворение «Нашим врагам».[2] Но это обстоятельство все еще было не столь блистательно и решительно, как то, когда г. фон Лизандер стал в ряды победоносной армии, так громогласно ополчившейся на защиту гг. Чацкина и Горвица от страшного «Знакомого человека». Этот последний подвиг заметно отразился на самом характере сонетов г. фон Лизандера, большая часть которых писана в 1858 году. Бродит ли он по лесу, – ему тотчас представляется грамматическая темнота в известной фразе «Иллюстрации», темнота, освещаемая только протестом… Эта поэтическая мысль возбуждает в нем следующее обращение к *душе,* под которою можно разуметь душу несчастного, оклеветанного «Знакомым человеком»:

О душа! Как ни столпились плотно
Вкруг тебя печали-великаны,[1]
Но и в тьме,[2] с них льющей и под ноги
И на грудь, всё блещут искрометно
То каких-то светлых дум поляны,[3]
То к каким-то звучным дням дороги.[4]

Мы полагаем, что эти стихи именно относятся к *клевете и обличению* «Иллюстрации», потому что только при таком объяснении и можно найти в них некоторый смысл.

К этому же знаменитому делу относятся, вероятно, и те стихи, в которых г. Д. фон Лизандер уверяет, что мороз не препятствует ему предаваться благородным порывам. Известно, по словам Гоголя, «всякому, даже не учившемуся в семинарии», – что поступок

[1] Намек на большой формат «Иллюстрации».

[2] Злая ирония над самым названием «Иллюстрации», которое значит: «освещение».

[3] Здесь, вероятно, разумеются «Московские ведомости», открывшие у себя поляны, то есть страницы для протеста.

[4] Этот стих, должно быть, относится к «Русскому вестнику», который звучно показывал дорогу протестантам.

«Иллюстрации» совершился в ноябре. Вследствие того г. фон Лизандер и пишет, что прежде любовь согревала его в зимний холод:

Но теперь – не то. *Иные пенья*[5]
В эту *ночь*[6] мой зрелый слух внимает.
Тени дум в блестящие виденья
Тайный звук пред сердцем претворяет,
И роскошный пламень вдохновенья[7]
И в мороз – грудь жаром обливает…

На «Иллюстрацию» же, кажется, написал г. фон Лизандер и следующий сонет:

Серый день блестит темно и кисло.[8]
Пятна луж покрыли грязный двор,
Мокрый бык глядит на них без смысла,
Цепь *ворон* покрыла весь забор.[9]
У колодца чье-то коромысло
Позабыто, и уж с давних пор
На бадье приподнятой повисло…
Вот и все, что видит праздный взор.[10]
Да не больше пищи и для слуха.
Развлекла его бедняжка муха
Смертной песней в лапах паука.[11]
Но и сердце тянет песню ту же:
И его облапила не хуже,
Чем паук, смертельная тоска.[12]

Если мы не ошибаемся в смысле, какой даем этому стихотворению, г. фон Лизандер обладает замечательным сатирическим талантом. Впрочем, мысль свою – основную мысль почти всех его произведений – о том, что не нужно клеветать и вообще лгать, – г. фон Лизандер выражает не только в юмористическом тоне, но и в звучных дифирамбах. Например, вот заключение стихотворения «Во храме», также написанного под влиянием мысли о гнусности клеветы:

О! да, да. Пусть хоть раз и этот блеск лампадный,[13]
И дым кадил, и хор, и сонм святых громадный

---

[5] Нужно разуметь – певучие прокламации «Русского вестника».

[6] Метафорическое выражение, коим обозначаются обыкновенно невежество и нечистота сердца; а вместе с тем опять и колкость «Иллюстрации».

[7] Возбужденного подпиской против «Знакомого человека».

[8] Очевидно, здесь намек на рисунки, помещающиеся в «Иллюстрации», равно как и в следующем стихе, где говорится о *пятнах*.

[9] Эти два стиха, при всей своей художественной прелести, составляют не слишком лестный комплимент читателям «Иллюстрации».

[10] Это нужно относить к бедности рисунков в «Иллюстрации».

[11] Очевидно, здесь олицетворяется беззащитное положение оклеветанного «Знакомым человеком».

[12] Здесь поэтически выражается тоскливое чувство, произведенное во всех друзьях прогресса поступком «Иллюстрации», хуже которого они ничего не видали на Руси.

[13] *О! да, да. Пусть хоть раз*... Замечательный спондей, могущий поспорить с известным образцовым спондеем: «Галл, грек, перс» и пр.

Всем этим детям лжи хоть раз воскликнут грозно,
Что здесь, пред божеством, – *не место фарисейству,*
А место ханжеству, разврату и злодейству (sic!)
Покаяться всем сплошь да плакать слезно, слезно.

В последних стихах недостает смысла; но этот недостаток легко искупается избытком благородных чувствований… по крайней мере в глазах многих протестантов!

Впрочем, подвиги гражданской доблести не проходят даром поэтам. Одаренный, как видно, пылким воображением, г. фон Лизандер после совершения своего благородного дела подвергся весьма беспокойным мечтаниям. Он представил себе, что ложь, в виде «Знакомого человека», гонится за ним, и, одержимый паническим страхом, г. фон Лизандер бежит, скачет… «Знакомый человек» за ним, и г. фон Лизандер в мрачном беспокойстве восклицает своему ямщику:

Погоняй! По колеям, по глади,
Погоняй! Во весь опор скачи!
От того, что мчится тут же, сзади,
О, скорей, скорей меня умчи!
Ложь в устах, ложь и обман во взгляде,
Всех надежд померкшие лучи,
Мой кумир,[14] но в площадном наряде —
Вот что сзади… Сердце, помолчи!
Тройка вскачь, во весь опор несется.
Я лечу, как молния летит…
Что ни миг, все дальше остается
Эта ложь… Но что ж меня умчит
От моих слез, жгучих язв, стенаний,
От твоих, о память, содроганий?..

Последние стихи достойно заключают это стихотворение, превосходно выражающее необычайный страх, наводимый на поэта мыслью, что за ним гонится «Знакомый человек» с рисунками «Иллюстрации».

Зная теперь, какой страх испытал г. фон Лизандер, мы не удивимся, узнав от него, что и самый протест, под которым он подписался, не доставляет ему наслаждения, а, напротив, *казнит* его. В отчаянии г. фон Лизандер восклицает:

Казнит меня все, все: дни сил и дни бессилья,
Казнит и то, чем жил, и то, чем я не жил,
Казнит и то, куда я еле двинул крылья,
Казнит и то, к чему во всю их мочь спешил.

Последний стих, очевидно, указывает на тот благородный энтузиазм, с которым все друзья нашей гласности и прогресса спешили стать в ряды защитников гг. Чацкина и Горвица… Грустно видеть психологический результат, оставленный этим блистательным делом в сердце и уме г. Д. фон Лизандера!.. Вместо гордого наслаждения и могучего самодовольства он испытывает и выражает в своих стихах лишь малодушные мечты расстроен-

[14] Как видно, г. фон Лизандер в прежнее время любил «Иллюстрацию», в которой, кажется, помещал даже свои стихотворения.

ного воображения. То у него «ужас и кручина – дыбом волосы поднимут на челе»; то ему «в глаза слой ржавчины голодной глядит, и мглы черней»; то представляются ему «десятки палачей и топор в размахе»; то снится ему, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Иллюстрация» – журнал, выходивший в Петербурге (1858–1863) под редакцией В. Р. Зотова и др. О протесте против «Иллюстрации» см. заметку Добролюбова «Известие» («Совр.», 1858, № 12; см. т. 3 наст. изд.) и «Свисток» № 1 (см. т. 7 наст. изд.). Упоминаемый ниже «Знакомый человек» – псевдоним П. М. Шпилевского, сотрудника «Иллюстрации» (псевдоним раскрыт Б. Ф. Егоровым в статье «В. Р. Зотов – критик и публицист 1850-х гг.» – Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. № 78, Тарту, 1959, стр. 120). «Иллюстрация» выступила с клеветническими антисемитскими обвинениями против публицистов Чацкина и Горвица. Ироническое отношение Добролюбова к «протестантам» «Русского вестника» объясняется их попытками, не поднимая всерьез вопроса об антисемитизме, использовать этот протест для пропаганды либеральных надежд на «мирный прогресс», реформы и «гласность».

2.

Стихотворение «Нашим врагам» вышло отдельным изданием в 1855 году.